

Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция. Санкт-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 года. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2011. 378 с.

Ежегодные «Таврические чтения», с 2007 г. проводящиеся Центром истории парламентаризма при Межпарламентской ассамблее Содружества Независимых Государств (директор — Л.А. Крохина) в бывшей резиденции Государственной думы, посвящены истории российского парламентаризма. Сборник, составленный на основе докладов 2010 г., включает 21 статью историков из Петербурга (значительное большинство), а также Москвы, Баку, Минска, Челябинска и Киева. Большую его часть (16 статей) занимает раздел «Государственная дума Российской империи: формирование и деятельность». Открывает его исследование И.В. Лукоянова, который проанализировал содержание и последствия манифеста 17 октября 1905 г., впервые объяснив спад революционного движения после издания этого акта не расколом антиправительственных сил, а активизацией политической деятельности монархистов¹. «Манифест 17 октября действительно способствовал перелому революции, — отмечает он, — но не обещанием законодательной Думы, а провозглашением свобод, в том числе и для сторонников власти, что позволило самодержавию устоять» (с. 24). Это предположение хорошо обосновано, но вопрос явно нуждается в дальнейшем изучении².

С.В. Куликов обстоятельно проанализировал три проекта Основных законов, составленных в конце 1905 г. П.А. Харитоновым, А.П. Саломоном и гр. А.Ф. Гейденом, и их влияние на проект Государственной канцелярии, утверждённый после нескольких переработок 23 апреля 1906 г.³ Настаивая на преобладании среди сановников начала XX в. «парламентаристов», историк склонен преувеличивать либерализм российской высшей бюрократии. В частности, он повторяет явно страстное утверждение В.И. Гурко о том, что группа центра Государственного совета якобы «занимала среднее положение между октябристами и кадетами» (с. 33). В действительности левое крыло центра

по своим позициям и взглядам было ближе к левым октябристам, а правое — к левому крылу думских националистов и группе П.Н. Крупенского. Между кадетами и октябристами в Думе находились прогрессисты, но почти все их представители в Совете (Д.Н. Шипов, М.М. Ковалевский, гр. А.П. Толстой и др.) примыкали не к центру, а к левым. Вызывает недоумение и объявление запрета одновременного членства в обеих палатах, очевидно необходимого для двухпалатной системы и присущего странам с весьма разными формами правления, «юридической предпосылкой для формирования парламентарного кабинета» (с. 61).

По меньшей мере спорным представляется и признание «идеала парламентарной монархии» «краеугольным камнем» проекта Государственной канцелярии. Ведь в нём, как тут же пишет сам исследователь, принцип монархического суверенитета «воплощается более выпукло» по сравнению с принципом народного суверенитета (с. 66). По сути, проект оставлял вопрос о соотношении полномочий царя и Думы открытым, допуская как дуалистическую, так и парламентарную монархию. В соответствии с ним император признавался главой гражданского управления и «державным вождём» армии и флота. Ему предоставлялось утверждение законов, а также издание указов, временно имеющих силу закона, он обладал исключительным правом инициировать пересмотр конституции, созывал и распускал Думу и Государственный совет, объявлял войну, заключал мирные и иные договоры, осуществлял «верховное начальствование» над вооружёнными силами, назначение и увольнение высших должностных лиц, помилование осуждённых и т.д. С другой стороны, монарх, согласно проекту, не получал титула самодержца, а его указы должны были быть контрассигнованы председателем Совета министров. Возможность введения военного и исключительного положений не предусматрива-

лась. Не говорилось и о праве императора издавать нормативные акты по организации и устройству вооружённых сил, и о праве правительства призывать прошлогодний контингент новобранцев в случае отклонения соответствующего закона. При этом отсутствовали ограничения финансовых полномочий законодательных палат (кроме запрета сокращать кредиты на Императорский двор), а изменение государственных границ допускалось лишь в законодательном порядке. Министерский пост мог совмещаться с членством в законодательной палате. Особо указывалось, что «председатель Совета министров и министры в совокупности ответственны за общий ход государственного управления», но умалчивалось, перед кем именно они ответственны. Одновременно «в порядке, определённом законом», вводилась судебная ответственность министров «за нарушение постановлений Основных законов и за нанесение тяжкого ущерба интересам государства»⁴.

Несколько статей посвящены думским выборам начала XX в. О.Г. Малышева проанализировала их с точки зрения принципов всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и сравнила с выборами в парламенты зарубежных стран в XVIII–XX вв.⁵ Из приведённого ею материала следует, что развитие российского избирательного законодательства в целом соответствовало мировым тенденциям, хотя оно и отличалось излишней сложностью. Однако автором допущено несколько фактических ошибок. Так, по её словам, вопрос о предоставлении женщинам права голоса «не обсуждался... представителями либеральной общественности» (с. 102), хотя соответствующее требование содержалось в программах радикальных либералов и даже было предметом дискуссии на II съезде Партии народной свободы в январе 1906 г.⁶ Утверждается также, что военные были лишены избирательных прав циркуляром военного министра и решением Совета министров (с. 105), тогда как циркуляр лишь разъяснял Положение о выборах в Думу 6 августа 1905 г., не позволявшее военным участвовать в голосовании, а решение Совета министров, на которое ссылается Малышева, запрещало им вступать в политические партии.

Следует отметить и то, что во Франции всеобщие и равные выборы проводились в 1792–1814 гг. и после 1848 г., но отнюдь не с 1789 г. (с. 109). В статье Н.С. Сидоренко показано, помимо прочего, что при выборах во II Думу в Уфе и Перми правые поддерживали крайне левых против кадетов⁷. А.В. Костылёв детально рассмотрел избирательные кампании в I и II Думы в Петербурге и Москве, констатируя, что попытки правительства помешать успеху оппозиции в столицах были обречены на провал⁸. Жаль, что он не указал результат баллотировки в выборщики В.И. Ульянова (Ленина), а С.Ф. Платонова ошибочно причислил к членам Государственного совета по выборам, а не по назначению (с. 180).

Целый ряд статей сборника посвящён различным аспектам деятельности Думы и её контактам с правительством. Н.М. Корнева описательно изложила историю думских запросов о действиях тюремных чинов⁹. Она полагает, что I Дума из-за роспуска якобы не направила ни одного соответствующего запроса (с. 114), тогда как в действительности её депутатами было одобрено большое количество таких обращений (о голодовках политзаключённых, их избиениях, стрельбе по ним стражи и т.п.)¹⁰. Г.Ю. Афанасьев обстоятельно рассмотрел деятельность А.И. Гучкова в I сессии III Думы и его участие в обсуждении военных вопросов¹¹. Прежде всего автор анализирует речь, произнесённую лидером октябристов 27 мая 1908 г. и содержавшую критику засилья великих князей в управлении вооружёнными силами. Это выступление признаётся в статье «тактическим просчётом», поскольку оно не вызвало значительного общественного резонанса и в то же время привело к консолидации противников вмешательства законодательных палат в военные дела. Партии и группы, выигравшие от издания Положения о выборах 3 июня 1907 г., объявлены исследователем без каких-либо обоснований и кавычек патристическими силами, что представляется едва ли корректным (с. 183).

Ф.А. Гайда изучил историю взаимоотношений правительства В.Н. Коковцова и IV Думы, уделив основное внимание «министерской забастовке» лета 1913 г.

и впервые проведя параллель между ней и событиями 1906–1907 гг.¹² В обоих случаях «разрыв правительства и Думы приобрёл официальный характер», однако, как пишет автор, в годы революции император поддержал министров, а в 1913–1914 гг. впервые «важнейшие политические перестановки осуществлялись с целью установления позитивных отношений с парламентом» (с. 202). Такая точка зрения представляется всё же несколько односторонней. Отставка Коковцова была вызвана не только его «чисто бюрократическим желанием уйти от решения политических вопросов» и неспособностью найти общий язык с Думой, но и желанием царя добиться сокращения (или прекращения) потребления водки, а также конфликтом председателя Совета министров с Г.Е. Распутиным. Соотношение этих причин в статье не раскрыто. Кроме того, вряд ли назначение И.Л. Горемыкина и П.Л. Барка объяснялось только заботой об улучшении отношений с Думой. Нельзя согласиться и с тем, будто правые и националисты изначально поддерживали правительственную декларацию Коковцова и лишь впоследствии перешли к критике бюрократии (с. 193). Открывая её обсуждение, В.М. Пуришкевич заявил: «Мы не можем отнестись иначе, как отрицательно к большей части того, что было сказано им (Коковцовым. – В.Д.) в Думе»¹³. В том же духе высказался и лидер фракции правых Н.Е. Марков. Первые ораторы националистов гр. В.А. Бобринский и А.И. Савенко, говорившие от имени фракции, также осуждали внешнюю и внутреннюю политику правительства. В итоге, вопреки мнению автора, большинство депутатов поддержало резолюцию, предложенную прогрессистами, а не националистами (с. 194)¹⁴.

В статье М.А. Златиной рассматривается обсуждение в Думе в 1914–1915 гг. еврейского вопроса¹⁵. Основные думские фракции, включая кадетов, выступали тогда нерешительно, и правительство, фактически отменившее в августе 1915 г. «черту осёдлости», «вынужденно оказалось левее самой Государственной думы». А.А. Иванов подробно осветил причины и последствия хулиганского выступления лидера думской фракции

правых Н.Е. Маркова 22 ноября 1916 г.¹⁶ Историк указал на предвзятость думского большинства, терпевшего или наказывавшего слишком мягко оскорбительные высказывания в адрес правительства и его представителей. Правда, в числе безнаказанных антиправительственных выпадов оппозиции почему-то не упомянута речь, произнесённая П.Н. Милюковым 1 ноября 1916 г., в которой он без должных оснований обвинял в измене императрицу и председателя Совета министров. Исследователь допускает и некоторые неточности в изложении думской процедуры. К примеру, он полагает, что председатель мог удалять депутата своей властью на одно заседание или лишать его слова (с. 225), тогда как думский Наказ (регламент) предусматривал лишение слова лишь по определённому вопросу, а не на заседание, удаление же могло производиться лишь по решению общего собрания Думы.

А.Д. Гронский проследил, как работа Думы изображалась в мемуарах чинов политической полиции¹⁷. К сожалению, утверждения мемуаристов не проверялись им ни по другим источникам, ни даже по современным справочникам, из-за чего в статье повторяются многочисленные фактические ошибки, вполне извинительные для авторов воспоминаний, но неуместные в научной работе. Например, Набоков и кн. Долгоруков представлены как депутаты III Думы (с. 242). В действительности В.Д. Набоков и кн. Пётр Д. Долгоруков заседали в I Думе и, подписав Выборгское воззвание, лишились избирательных прав, а кн. Павел Д. Долгоруков был избран лишь во II Думу. Бессрочную ссылку членов большевистской фракции в 1915 г. автор не признаёт «серьёзным наказанием» (с. 244). Тут же им упоминаются «думские речи... А.И. Гучкова» во время Первой мировой войны (с. 245), хотя тот покинул Думу ещё в 1912 г. Без серьёзного обоснования утверждается, будто правый октябрист М.В. Родзянко до революции был республиканцем (с. 246).

И.К. Кирьянов предпринял попытку применить к российской истории начала XX в. заимствованную из политологии теорию демократического транзита¹⁸. По его мнению, существовавшая в России с

1906 г. дуалистическая монархия являлась «сочетанием элементов неограниченной и конституционной монархии», и в её рамках происходило складывание «механизма сдержек и противовесов», который ограничивал императорскую власть. А.Б. Николаев показал, как руководство IV Думы безуспешно пыталось использовать подготовку и проведение Государственного совещания в августе 1917 г. для повышения её политического значения¹⁹. В статьях О.А. Яковлевой, В.В. Ведерникова и Л.С. Бокаревой речь идёт соответственно о строительстве Амурской дороги и преобразовании Добровольного флота, об обсуждении аграрного вопроса в I Думе и о проектах реформы православного прихода в IV Думе²⁰. Во второй части сборника помещена биография депутата IV Думы барона Н.Б. фон Вольфа, написанная Т.Д. Исмагуловой²¹.

Особый раздел посвящён развитию парламентаризма в странах Содружества Независимых Государств. Большинство работ, вошедших в этот раздел, выдержаны в апологетическом стиле. Так, С.Т. Гаджиев восторженно характеризует становление парламентаризма в Азербайджане в 1918–1919 гг.²² Автор настаивает на невозможности проведения парламентских выборов в конце 1918 г. «из-за сложных политических условий» (с. 324), не раскрывая сути этих сложностей и возможности их преодоления. А поскольку изложение событий доведено в статье лишь до начала 1919 г., читатель остаётся в неведении, был ли в Азербайджанской республике создан выборный парламент, или «сложные политические условия» сохранялись до её советизации. Украинский историк В.В. Ткаченко восхваляет решение, принятое 30 сентября 2010 г. Конституционным судом Украины, признавшим неконституционной политическую реформу 2004 г.²³ При этом в научном сборнике крайне неуместно звучат заявления о том, что «сильная, развитая Украина не нужна оппозиции, ибо в таком случае оппозиционерам нечего будет критиковать» (с. 352).

Е.А. Тарасова опровергает представление о преобладании коммунистической оппозиции в составе Съезда народных депутатов РСФСР 1990–1993 гг. и стре-

мится доказать, что он последовательно добивался демократизации страны, защищая интересы народа от противоречившей им политики Б.Н. Ельцина²⁴. Однако она не объясняет, почему деятельность депутатов закончилась провалом. Затяжку с принятием новой конституции исследовательница связывает главным образом с невозможностью согласования подготовленного проекта с президентом (с. 343), хотя Съезд мог принять его и собственной властью. В.Н. Колесников отметил слабость и подчинённое положение как российского парламента, так и гражданского общества, постепенное «увядание» демократических институтов в России, слияние в ней власти и собственности, что «напрочь отрицает возможность эффективного развития общества» (с. 372), ослабление обратной связи между государством и населением и т.п.²⁵ Петербургский политолог видит два сценария будущего страны: либо продолжение стагнации и последующий распад, либо кризис существующего режима и обновление политической системы.

В целом рецензируемый сборник внёс заметный вклад в изучение российского парламентаризма.

В.А. Дёмин

Примечания

¹ *Лукоянов И.В.* Манифест 17 октября 1905 г.: 105 лет спустя // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция. СПб., 2011. С. 12–28.

² К сожалению, в статью вкралась серьёзная фактическая ошибка. В ней говорится, будто «Булыгинская Дума... имела право отвергать законопроекты, внесённые в неё министрами, квалифицированным большинством (2/3)» (*Лукоянов И.В.* Указ. соч. С. 14). В действительности же согласно Учреждению Государственной думы 6 августа 1905 г. (ст. 49) для этого требовалось указанное большинство как в Думе, так и в назначаемом Государственном совете, что на деле практически исключало такую возможность. Право отклонять проекты независимо от Совета было предоставлено Думе лишь Манифестом 17 октября 1905 г.

³ *Куликов С.В.* Государственная дума и Государственный совет в проектах Основных

законов П.А. Харитонов, А.П. Саломона и графа А.Ф. Гейдена (ноябрь–декабрь 1905 г.) // Таврические чтения 2010... С. 29–99.

⁴ Основные государственные законы. Сравнительное изложение проекта, внесённого по Высочайшему повелению на рассмотрение Совета министров, и проекта, изменённого по замечаниям Совета [СПб., 1906].

⁵ Малышева О.Г. Избирательная система и выборы в Государственную думу Российской империи // Таврические чтения 2010... С. 100–111.

⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. М., 1997. С. 97, 120, 156–158.

⁷ Сидоренко Н.С. Депутаты и политика (из истории Уральского депутатского корпуса Государственной думы России (1906–1917)) // Таврические чтения 2010... С. 135–143.

⁸ Костылёв А.В. Санкт-Петербург и Москва на выборах во II Государственную думу // Там же. С. 170–182.

⁹ Корнева Н.М. Запросы Государственной думы о деятельности тюремных учреждений (1906–1917) // Там же. С. 112–134.

¹⁰ Государственная дума. Созыв 1. Указатель к стенографическим отчётам. СПб., 1907. С. 252–257, 260–261, 266–267, 290–291.

¹¹ Афанасьев Г.Ю. Речь А.И. Гучкова в III Государственной думе 27 мая 1908 г. и её общественно-политический резонанс: выигрыши и просчёты // Таврические чтения 2010... С. 183–191.

¹² Гайда Ф.А. «Министерская забастовка» 1913 г.: IV Государственная дума и формирование «Нового курса» правительства // Там же. С. 192–202.

¹³ Государственная дума. 4-й созыв. Сессия 1. Стенографические отчеты. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 287.

¹⁴ Там же. Стб. 898.

¹⁵ Златина М.А. IV Государственная дума и проблема еврейских беженцев в годы Первой мировой войны // Таврические чтения 2010... С. 213–219.

¹⁶ Иванов А.А. Провокация или эмоциональный срыв? Выходка Н.Е. Маркова в Госу-

дарственной думе 22 ноября 1916 г. // Там же. С. 220–230.

¹⁷ Гронский А.Д. Отношение политической полиции к депутатам Государственной думы (по воспоминаниям руководителей политического сыска) // Там же. С. 231–247.

¹⁸ Кирьянов И.К. Парламентаризация монархии в России начала XX века: провал первого отечественного опыта перехода к демократии // Там же. С. 248–259.

¹⁹ Николаев А.Б. К вопросу об отношении Государственной думы к Государственному совещанию (1917 г.) // Там же. С. 260–309. В приложении перечислены 115 членов Думы всех созывов, участвовавших в Совещании.

²⁰ Яковлева О.А. Проблемы развития системы путей сообщения на Российском Дальнем Востоке в деятельности Государственной думы (1906–1917) // Там же. С. 144–157; Ведерников В.В. Первая парламентская дуэль (альтернативные подходы к решению аграрного вопроса в I Государственной думе и их судьба) // Там же. С. 158–169; Бокарева Л.С. К вопросу о законодательных предположениях IV Государственной думы по реформированию православного прихода (1913 г.) // Там же. С. 203–212.

²¹ Исмагулова Т.Д. Жизнеописание «фарфорового» барона: депутат Государственной думы Николай Борисович фон Вольф (1866–1940) // Там же. С. 310–322.

²² Гаджиев С.Т. История парламентаризма в Азербайджане (декабрь 1918 – апрель 1920 года) // Там же. С. 322–330.

²³ Ткаченко В.В. Отмена «политреформы» 2004 года: новые политические реалии и перспективы дальнейшего развития Украины // Там же. С. 348–356.

²⁴ Тарасова Е.А. Съезд народных депутатов РСФСР–РФ 1990–1993 гг. – коммунистическая оппозиция или демократическая альтернатива? // Там же. С. 331–347.

²⁵ Колесников В.Н. Эволюция российского парламентаризма: традиция против модернизации // Там же. С. 357–373.

Р.Г. Гагкуев. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М.: Посев, 2012. 704 с.

В книге Р.Г. Гагкуева всесторонне анализируются вопросы, связанные с военным строительством на Белом Юге России в годы Гражданской войны. При этом особое внимание уделено проблеме

социального состава Белого движения, которую специально рассматривали лишь некоторые отечественные историки: Л.М. Спирин, С.В. Устинкин, В.Ж. Цветков, В.Н. Романишина¹. Однако до сих